

© 2024 г. И.Э. МАГАДЕЕВ

«ИСЛАМ» И «МУСУЛЬМАНСТВО» В ОФИЦИАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ И КАТЕГОРИАЛЬНОМ АППАРАТЕ ФРАНЦУЗСКИХ ВЛАСТЕЙ В 1920-е годы

Магадеев Искандэр Эдуардович — кандидат исторических наук, доцент Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Москва, Россия).

E-mail: iskander2017@yandex.ru

Scopus Author ID: 57195680563; *Researcher ID:* M-4145-2014

Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 22-18-00011, <https://rscf.ru/project/22-18-00011/>.

Аннотация. На протяжении столетий Франция и исламский мир были связаны друг с другом самыми различными нитями. Их взаимодействие принимало вариативные формы: от сотрудничества до колониальной (или полуколониальной) эксплуатации и взаимной вражды. Цель статьи — выявить особенности практического и символического использования понятий «ислам» и «мусульманство» деятелями французской дипломатии и колониальных властей в 1920-е годы. Рассмотрение данного вопроса особенно актуально в контексте изучения генезиса неоколониальных практик. Новизна настоящей работы обусловлена введением в научный оборот ранее не использовавшихся источников, а также особым исследовательским подходом: применяя методологию «истории понятий» и сравнительно-исторический анализ, автор стремится выявить взаимосвязи между способами дискурсивной мобилизации понятий «ислам» и «мусульманство» и колониальной политикой Третьей республики в Северной Африке и на Ближнем Востоке. Источниковую базу статьи составляют дипломатические документы, архивные записки и доклады маршала Юбера Лиоте из Национального архива Франции, экспертные работы и публицистические произведения, материалы французской и алжирской прессы. Проведенное исследование позволяет сделать следующий вывод: «семантический ореол» понятий «ислам» и «мусульманство» в дискурсе французских властей в 1920-е годы не был однородным. Его компонентами являлись ориентализм и чувство собственного превосходства, представление об «исламской цивилизации» как об отсталой и враждебной Западу, образ ислама как потенциальной угрозы (особенно в случаях его взаимодействия и синтеза с такими идеологиями, как пантюркизм и большевизм). Вместе с тем среди политического истеблишмента Третьей республики был распространен взгляд на ислам как на средство сохранения лояльности жителей североафриканских и ближневосточных владений к Франции.

Ключевые слова: Франция, ислам, ориентализм, колониальная политика, Марокко, Сирия, Лиоте.

I.E. Magadeev

“Islam” and “Muslimisme” in the Official Discourse and Categorical Apparatus of the French Authorities in the 1920s

Iskander Magadeev, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO – University) (Moscow, Russia).

E-mail: iskander2017@yandex.ru

Scopus Author ID: 57195680563; Researcher ID: M-4145-2014

The research was supported by Russian Science Foundation, project № 22-18-00011, <https://rscf.ru/project/22-18-00011/>.

Abstract. Throughout history, France and the Muslim world have been connected in various ways. Their interactions have ranged from constructive collaboration to colonial (or semi-colonial) domination and mutual animosity. In this article, the author seeks to examine the nuances of the discursive mobilisation and contextualisation of terms such as “Islam” and “Muslimisme” within the public and secret documents of French diplomacy and colonial administration during the 1920s. He attempts to address the following questions: What was the terminological and semantic conflict surrounding the aforementioned concepts? What were the objectives of the French officials in articulating one or another aspect of “Islam” and “Muslimisme”? Contemporary neocolonialism and a necessity to study its historical genesis and forms determine relevance of the article. The author makes use of insufficiently researched archival and published material. This, in conjunction with the nature of the research question, provides the rationale behind the originality of the analysis presented in the essay. He employs the methodology of the “history of concepts” and comparative-historical analysis to examine the intricate interrelationship between the discursive mobilisation of “Islam” and “Muslimisme”, on the one hand, and the practical policies of Paris, on the other. The author draws on a range of sources to inform his analysis, including French diplomatic documents, the notes and reports of Marshal Hubert Lyautey, books and pamphlets by various French experts and public figures, and material from the French and Algerian press. He concludes that the semantic colouring of “Islam” and “Muslimisme” in the French official discourse of the 1920s was not homogeneous. This perception included a sense of superiority close to Orientalism, a perception of the backwardness of “Islamic civilization” and its incompatibility with the Western socio-political order, and a perception of “Islam” as a potential danger, especially if it was combined with other religious (pan-Islamism) and/or socio-political challenges (pan-Turkism, Bolshevism). Concurrently, the Third Republic’s authorities frequently regarded Islam as a means of securing Muslim allegiance and enhancing France’s “soft power”.

Keywords: France, Islam, Orientalism, colonial policy, Morocco, Syria, Lyautey.

Символическая и политическая нагрузка понятий «ислам» и «мусульманство» (в позитивном или негативном смысле) вплоть до настоящего времени является предметом дискуссий в целом ряде европейских стран, в том числе во Франции. Как отмечает историк Е.А. Прусская, «Франция и ислам, мусульмане во Франции — многочисленные дискуссии по этим вопросам, начиная от темы интеграции мусульман во французское светское общество и до сюжета о формах, которые принимает религия в этой европейской стране, стали предметом не только обсуждений в профессиональных исследованиях историков, политологов, религиоведов и социологов, но и среди широкой публики»¹. Суть современных споров на данную тему сложно понять без обращения к историческому опыту колониальной политики Парижа.

Цель настоящей статьи — выявить особенности дискурсивной мобилизации и контекстуализации понятий «ислам» (франц. islam) и «мусульманство» («мусульманский», франц.

¹ Прусская Е.А. Ислам во Французской революции. О книге Йана Коллера // Французский ежегодник 2022. Т. 55. Французы за пределами Франции / гл. ред. А.В. Чудинов. М., 2022. С. 401.

musulman) в публичных и закрытых документах французской дипломатии и колониальной администрации в 1920-е годы. В задачи автора входит поиск ответов на следующие вопросы: в каком терминологическом и смысловом ряду употреблялись эти понятия в первое десятилетие после окончания Первой мировой войны; каковы были символические цели их использования; как официальный дискурс соотносился с действиями властей Третьей республики в ее владениях в Северной Африке и на Ближнем Востоке. В рамках данного исследования предпринимается попытка очертить «семантический ореол» «ислама» и «мусульманства» в практике французского колониального управления.

Историческая актуальность рассматриваемой темы обусловлена важностью изучения существовавшей в указанный период дихотомии между республиканским режимом в метрополии и колониальной (имперской) политикой Парижа на условной «периферии». Этот парадокс нашел свое отражение, в частности, в подзаголовке получившей известность монографии американской исследовательницы Э. Конклин «Республиканская идея империи»².

Выбранный исследовательский ракурс определяет новизну работы. В зарубежной историографии (главным образом франко- и англоязычной) тема «мусульманской политики» Третьей республики в 1920-е годы рассматривалась преимущественно в контексте общего анализа феномена французского колониализма в XX в.³ и политики Парижа в Северной Африке и на Ближнем Востоке⁴. При работе над изучаемой проблемой использовались методология «истории понятий» и сравнительно-исторический анализ. Исследование нацелено на то, чтобы выявить взаимосвязи между применяемыми французскими властями способами дискурсивной мобилизации понятий «ислам» и «мусульманство» и практической политикой Парижа в колониях и рассмотреть особенности позиционирования истеблишментом Третьей республики Франции в качестве «великой исламской державы»⁵. Учитывая начальный уровень изучения указанной проблематики в отечественной историографии, автор стремится раскрыть базовые компоненты «мусульманского дискурса» во французской колониальной политике для его более детального изучения в дальнейшем⁶.

Источниковая база исследования включает опубликованные тома «Французских дипломатических документов»⁷, записки, отчеты, личные письма генерального резидента Франции в Марокко в 1912–1925 гг. маршала Юбера Лиоте, которые хранятся в личном фонде президента Александра Мильерана (1920–1924) в Национальном архиве Франции⁸. Повышенное внимание к материалам, связанным с деятельностью Ю. Лиоте, обусловлено двумя основными причинами. Во-первых, опыт управления Марокко рассматривался рядом деятелей Третьей республики (Александр Мильеран, Луи Барту, Андре Тардьё и др.)

² Conklin A.L. A Mission to Civilize. The Republican Idea of Empire in France and West Africa, 1895–1930. Stanford, 1997.

³ Girardet R. L'idée coloniale en France de 1871 à 1962. Paris, 1972; Grimal H. La décolonisation de 1919 à nos jours. Bruxelles, 1985; Blanchard P. Culture coloniale. La France conquise par son empire, 1871–1931. Paris, 2002; Histoire globale de la France coloniale / dir. de N. Bancel et al. Paris, 2022.

⁴ Khoury Ph.S. Syria and the French Mandate: The Politics of Arab Nationalism, 1920–1945. Princeton, 1987; Présences et images franco-marocaines au temps du protectorat / dir. de J.-C. Allain. Paris, 2003; Thomas M. Empires of Intelligence: Security Services and Colonial Disorder after 1914. Berkeley, 2007.

⁵ Дьяков Н.Н. Ислам в колониальной политике Франции: от истоков – до Пятой Республики // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. № 5 (103). URL: <https://history.jes.su/s207987840015901-0-1/> (дата обращения: 06.05.2024). DOI: 10.18254/S207987840015901-0

⁶ Черкасов П.П. Судьба империи. Очерки колониальной экспансии Франции в XVI–XX вв. М., 1983; Гончарова Т.Н. История французского колониализма: Актуальные проблемы изучения: в 2-х ч. Ч. 1. История колониальных империй Франции. СПб., 2013.

⁷ Documents diplomatiques français (далее – DDF). 1920. Т. 2. Paris, 1999; DDF. 1920. Т. 3. Bruxelles, 2002; DDF. 1922. Т. 1. Bruxelles, 2007; DDF. 1922. Т. 2. Bruxelles, 2008; DDF. 1923. Т. 2. Bruxelles, 2013; DDF. 1924. Т. 1. Bruxelles, 2013.

⁸ Archives Nationales de la France. Papiers Millerand. Sous-série 470. Archives Privées. Vol. 82 (далее – AN. 470. AP. 82). Пагинация в данном деле отсутствует.

в качестве весьма успешного примера колониального администрирования. Во-вторых, этот опыт напрямую влиял на политику Парижа в Сирии и Ливане вследствие того, что многие чиновники из окружения Лиоте в 1920-е годы занимали важные должности в аппарате французского верховного комиссара в Бейруте⁹.

Важными источниками по теме исследования являются также материалы французской, алжирской и британской специализированной прессы, в которых освещались различные аспекты «мусульманской политики» Третьей республики (журнал *Revue du monde musulman*, газета *Ikdam* и др.). *Revue du monde musulman* («Обзор мусульманского мира») был основан в 1906 г. так называемой Научной миссией в Марокко во главе с профессором Альфредом Ле Шателье, которая получала субсидии от различных государственных структур Франции¹⁰. Газета «Икдам» (араб. мужество, настойчивость), первый номер которой вышел в свет в 1919 г., представляла «Молодых алжирцев» — движение, ставившее своей целью защиту политических и экономических интересов мусульман Северной Африки¹¹.

К отдельной категории источников следует отнести французские публицистические произведения и экспертные работы по проблемам ислама¹².

В рамках настоящей статьи термин «колониальный» используется автором в расширительной трактовке. Он употребляется в качестве определения политики французских властей на подчиненных территориях Северной Африки и Ближнего Востока, которые в 1920-е годы имели различный административно-правовой статус. Речь идет о трех французских департаментах на севере Алжира и Южных территориях во главе с генерал-губернатором, назначавшимся правительством по представлению министра внутренних дел; протекторатах Тунис и Марокко, управлявшихся МИД, и о подмандатных территориях в Сирии и Ливане, власть в которых осуществлялась верховным комиссаром. Подобная административно-правовая дифференциация нередко приводила к бюрократическим коллизиям и затрудняла реализацию французской политики в этих регионах¹³. Следует отметить, что для подконтрольных Парижу территорий в Северной Африке и на Ближнем Востоке нередко были характерны общие проблемы. В связи с этим их совокупное рассмотрение в данном исследовании представляется уместным.

Хронологические рамки статьи включают период с 1919–1920 гг. (внутренняя трансформация и расширение Французской колониальной империи по итогам Первой мировой войны) до начала мирового экономического кризиса 1929–1933 гг. (оказавшего значительное влияние на политику официального Парижа на периферии). В рамках этого десятилетия уместно выделить три временных отрезка. Первый из них (1920–1922) был озаглавлен наибольшими опасениями французских властей перед угрозами в Северной Африке и на Ближнем Востоке, связанными с распространением идеологии панисламизма, а также с вызовами со стороны большевизма и кемализма. Важной тенденцией становится обострение колониального соперничества между Францией и другими европейскими державами (прежде всего Великобританией и Италией).

На период с 1923 по 1925 г. пришлось основные сложности, связанные с сохранением французского контроля над протекторатом Марокко и установлением режима мандатного правления в Сирии и Ливане (согласно решению Лиги Наций от 29 сентября 1923 г.). Как подчеркивал британский историк Мартин Томас, к концу лета 1925 г. «Франция, если говорить о контроле над ее мусульманской империей, переживала самый тяжелый период на

⁹ Burke E. III. A Comparative View of French Native Policy in Morocco and Syria, 1912–1925 // *Middle Eastern Studies*. 1973. Vol. 9. № 2. P. 175–186.

¹⁰ Burke E. III. La mission scientifique au Maroc: science sociale et politique dans l'âge de l'impérialisme // *Bulletin économique et social du Maroc*. 1979. № 138–139. P. 37–56.

¹¹ Ageron Ch.-R. De l'Algérie française à l'Algérie algérienne: en 2 vols. Vol. 2. Paris, 2005. P. 325–354.

¹² Landrieux M. L'Islam. Les trompes l'oeil de l'Islam. La France, puissance musulmane. Paris, 1913; André P.J. L'Islam et les races: en 2 vols. Vol. 1. Paris, 1922; Baruch J. Notre Atlantide: France-Islam. Marseille, 1922.

¹³ Verginot O. Tindouf, point d'équivoque (1912–1934) // *Revue de l'Occident musulman et de la Méditerranée*. 1986. Vol. 41. № 1. P. 119–135.

протяжении всего межвоенного времени. К продолжавшейся Рифской войне (конфликт Испании и Франции с берберским эмиратом Риф на территории Северного Марокко в 1921–1926 гг. — *И.М.*) добавилось восстание друзов в Сирии, грозившее дезинтеграцией левантйского мандата Франции»¹⁴.

Период с 1926 по 1929 г. был отмечен частичной стабилизацией французского колониального контроля. Масштабная выставка, прошедшая в 1931 г. в Венсене, на которой были представлены экономические и культурные достижения покоренных стран, нередко рассматривается в историографии в качестве своеобразного символа величия Французской колониальной империи, переживавшей пик своего могущества именно в эти годы¹⁵.

Очевидно, что «мусульманский дискурс» в Третьей республике в 1920-е годы формировался под определенным влиянием уже имевшегося к тому времени богатого опыта взаимодействия со странами Магриба (как известно, французское консульство на территории современного Алжира было открыто еще в XVI в., а договор 1536 г. между Францией и Османской империей «о мире, дружбе и торговле» нередко рассматривался противниками французского короля Франциска I как «предательство христианского мира»¹⁶). Этот опыт был связан, в частности, со сложившимися устойчивыми образами и стереотипами взаимного восприятия. Как отмечает Е.А. Прусская, «уже с начала XVIII в. европейцы проводили различия между мусульманами Магриба (арабского Запада) и Машрика (арабского Востока): первые воспринимались ими как народы, несомненно, более варварские. Египет и Сирия были более знакомы и понятны французам в силу давних торговых и политических связей с ними, а также наличия там значительной доли христианского населения»¹⁷.

Анализ официальных источников, характеризовавших «мусульманский дискурс» в 1920-е годы, позволяет выделить в нем три смысловых блока: «ислам» и «мусульманство» как компоненты общего ориенталистского контекста; «ислам» и «мусульманство» как факторы, усугублявшие угрозы интересам Третьей республики; «ислам» и «мусульманство» как «инструменты», используемые для достижения целей французской дипломатии и колониальной администрации. Остановимся подробнее на каждом из них.

В конце XIX — начале XX в. понятия «ислам» и «мусульманство» во Франции нередко были окружены ореолом экзотики, чего-то малоизвестного, ассоциирующегося с максимально широко и абстрактно понятым Востоком. В этом смысле они являлись частью ориенталистского дискурса. Историк и географ Анри Фруадево в 1922 г. полагал, что лишь выход в свет в 1896 г. монографии французского ориенталиста Леона Каюна «Введение в историю Азии» дал относительно широкому кругу читателей во Франции хотя бы базовое представление о роли ислама в человеческой истории. Данная мысль была высказана Фруадево в предисловии к работе «Ислам и расы» капитана Пьера Жана Андре, которая, по замыслу автора, должна была расширить знания французской публики о прошлом и настоящем самой молодой из мировых религий¹⁸.

Фруадево надеялся, что экзотический ореол ислама будет способствовать возрастанию к нему интереса. Однако во французском официальном дискурсе наблюдалась и другая тенденция, при которой подобная «экзотика» нередко ассоциировалась с чем-то опасным.

В рамках ориенталистского подхода к исламу также получила широкое распространение идея о том, что «мусульманские народы» склонны попадать под власть тех, кто лучше организован (как правило, имелись в виду европейские государства). В послании, отправленном в Париж 9 февраля 1920 г., верховный комиссар Франции в Константинополе Альбер-Жюль

¹⁴ Thomas M. Colonial States as Intelligence States: Security Policing and the Limits of Colonial Rule in France's Muslim Territories, 1920–40 // The Journal of Strategic Studies. 2005. Vol. 28. № 6. P. 1045.

¹⁵ Hodeir C., Pierre M. L'exposition coloniale de 1931. Paris, 2021.

¹⁶ Swain J.W. The Harper History of Civilization: in 2 vols. Vol. 1. London, 1958. P. 738.

¹⁷ Прусская Е.А. Тридцать лет спустя: опыт Египетского похода 1798–1801 гг. и французское вторжение в Алжир 1830 г. // Французский ежегодник 2017. Т. 50. Франция и Средиземноморье в Новое и Новейшее время / гл. ред. А.В. Чудинов. М., 2017. С. 98.

¹⁸ André P.J. Op. cit. P. VII.

Дефранс выразил опасения, что новыми претендентами на то, чтобы «управлять другими мусульманскими народами и государствами», являются лидеры младотурок, отличающиеся «организацией и дисциплиной» и использующие «немецкие методы»¹⁹.

В размышлениях колониальных администраторов, дипломатов и военных Третьей республики нередко присутствовал тезис о необходимости деликатного решения ряда вопросов, актуальных для мусульманского населения французских владений. Возможные волнения в Северной Африке и на Ближнем Востоке на почве недовольства политикой Парижа вызывали у них серьезные опасения. В мае 1922 г., призывая французское правительство сократить масштаб призыва на военную службу в североафриканских владениях, Лиоте подчеркивал, что «в нынешней ситуации, когда затрагивать вопросы, связанные с исламом, крайне болезненно», имеются риски «скомпрометировать результаты, которые были достигнуты (французской администрацией в Марокко. — *И.М.*) ранее и оказаться перед лицом самых серьезных угроз»²⁰.

Подобный дискурс фигурировал не только в размышлениях об опасности чрезмерного давления колониальной администрации на мусульманское население, но и при оценке рисков, связанных с возможным обострением межрелигиозных и межнациональных отношений на Ближнем Востоке. Такие опасения нашли отражение, в частности, в документах, в которых рассматривались последствия еврейской иммиграции в Палестину²¹. При этом следует отметить, что основным «покровителем» сионистского движения представители Третьей республики были склонны рассматривать Великобританию. В июне 1923 г. Лиоте информировал Париж о том, что, с его точки зрения, со стороны французской администрации в Марокко было бы неразумно способствовать созданию сионистских организаций на территории этой страны, поскольку «султан, махзен (глава местного правительства. — *И.М.*) и весь образованный класс мусульманского населения, на лояльности которого держится вся наша политика, достаточно негативно относятся к действиям сионистов»²². Интересно, что в рассматриваемый период в документах французской дипломатии в смысловой паре «ислам — сионизм» более негативную коннотацию, как это ни странно, имели оценки, связанные со вторым понятием²³.

Однако в ряде источников понятия «ислам» и «мусульманство» в контексте ориенталистского дискурса также рассматриваются в негативном ключе. В основном данная тенденция проявляется в трех аспектах. Во-первых, речь идет о распространенном представлении об отсталости исламской цивилизации, противопоставленной динамизму Запада; во-вторых, во многих документах встречается тезис о несовместимости «магометанства» и европейской культуры; в-третьих, получает популярность идея о том, что влияние мусульманской религии на жизнь исповедующих ее народов, может принимать крайние формы радикализма и фанатизма.

В 1922 г. капитан Андре признавал наличие в Третьей республике мнения о том, что «современный исламизм»²⁴ является религией стагнации и смерти»²⁵. Данное мнение встречалось в рассматриваемый период не только во франкоязычной, но и в англоязычной литературе. Так, на страницах британского журнала «Ближний Восток» можно было

¹⁹ Defrance à Millerand, 9 février 1920 // DDF. 1920. Т. 1. Р. 143.

²⁰ Lyautey à Maginot, mai 1922 // AN. 470. AP. 82.

²¹ Millerand à Gouraud, 7 mai 1920 // DDF. 1920. Т. 1. Р. 617; Briand à Saint-Aulaire, 19 mars 1921 // DDF. 1921. Т. 1. Р. 347.

²² Note de Lyautey pour Monzie, s.d. [8 juin 1923] // DDF. 1923. Т. 2. Р. 624.

²³ Gouraud à Paris, 6 mai 1920 // DDF. 1920. Т. 1. Р. 617; Leygues à Doulet, 16 décembre 1920 // DDF. Т. 3. Р. 455.

²⁴ Как отмечала Е.А. Прусская, анализируя французские документы XVIII в., «исламизм» являлся термином, «распространенным в то время... наряду с «магометанством», для обозначения религии ислама», что применимо и в отношении цитируемых источников. См.: Прусская Е.А. Французская пресса в Египте о мусульманском Востоке (1798–1801) // Французский ежегодник 2012. Т. 44. 200 лет Отечественной войны 1812 года / гл. ред. А.В. Чудинов. М., 2012. С. 228.

²⁵ André P.J. Op. cit. Р. 3.

увидеть следующее противопоставление: «Пока ислам погружался в стагнацию, в Европе бурно развивались торговля и промышленная революция. Благодаря своим способностям к организации, предприимчивости и алчности Запад сумел поставить Азию под свой контроль»²⁶. Капитан Андре оспаривал подобные суждения, считая, что «роль ислама в XX в. отнюдь не сыграна», а «мусульманский фактор» оказывал и будет продолжать оказывать серьезное влияние на страны и народы в различных частях света²⁷.

Такой дискурс весьма гармонично сочетался со стремлением сохранить привилегированное положение Франции в странах условного Востока и использовался как оправдание колониальной политики. 22 ноября 1922 г., инструктируя французскую делегацию на Лозаннской мирной конференции, председатель правительства и министр иностранных дел Раймон Пуанкаре подчеркивал необходимость добиться от Турции «специальных гарантий для иностранцев». Пуанкаре полагал, что «различия, существующие между европейской цивилизацией и мусульманской цивилизацией, являются достаточным основанием для таких требований»²⁸.

Радикальная интерпретация ориенталистских стереотипов нередко была характерна для представителей правого фланга политического спектра Третьей республики, в частности для деятелей религиозно-консервативного направления. Так, будущий епископ Дижона Морис Ландрё на страницах своей работы «Ислам. Иллюзия ислама. Франция как мусульманская держава», опубликованной в 1913 г., пропагандировал образ «догматической и систематической нетерпимости религии Магомета». По его утверждению, «чем больше арабы будут мусульманами, тем более фанатичными будут их действия»²⁹. Выражая недовольство антиклерикализмом властей Третьей республики в метрополии и фиксируя контраст между подобным положением дел и поддержкой французской администрацией ислама в колониях, Ландрё утверждал, что «вместо того, чтобы отстаивать идеи свободы-мыслия, Франция всего лишь сменила религию: поддержка, которую она когда-то оказывала католицизму, теперь оказывается исламу»³⁰. С точки зрения французского дипломата и публициста графа Шарля де Сент-Олера, принадлежавшего к консервативному лагерю, исламизм был «имманентен теократическим народам Северной Африки»³¹. Данный тезис, однако, сочетался в размышлениях Сент-Олера с мыслью о том, что «католицизм имманентен Испании». Это делало контраст между европейскими и «восточными» народами не столь разительным, как в произведении Ландрё.

Во многих случаях ориенталистские трактовки понятия «ислам» являлись расплывчатыми и не всегда подразумевали негативный «семантический ореол». Все же в оценках ислама представителями официальных французских властей присутствовали и более очевидно выраженные опасения. В дискурсе «ислам как угроза французским интересам» можно выделить три ключевые смысловые пары: «ислам — панисламизм»; «ислам — пантуранизм (пантюркизм)»; «ислам — большевизм».

По мнению многих дипломатов и сотрудников разведывательных служб Франции (особенно в начале 1920-х годов), ислам являлся мощной объединяющей силой, способной консолидировать различные народы, в том числе в борьбе против западных колониальных держав. Официальные представители Третьей республики находили проявления «панисламизма» в различных уголках мира: в деятельности египетских националистов³², в амбициях короля Хиджаза, подпитываемых, как считали в Париже, Великобританией и направленных на присвоение статуса халифа мусульман³³; но прежде всего — во внешнеполитической

²⁶ F.H.S. The Expansion of Islam // Near East. 17.XI.1921. P. 627.

²⁷ André P.J. Op. cit. P. 3.

²⁸ Poincaré à Barrère et Bompard, 22 novembre 1922 // DDF. 1922. T. 2. P. 521.

²⁹ Landrieux M. Op. cit. P. 64.

³⁰ Ibidem.

³¹ Saint-Aulaire à Leygues, 21 octobre 1920 // DDF. 1920. T. 3. P. 140.

³² Gaillard à Poincaré, 28 avril 1922 // DDF. 1922. T. 1. P. 539.

³³ Poincaré à Weygand, 19 mars 1924 // DDF. 1924. T. 1. P. 280.

активности Турции. Так, глава правительства и министр иностранных дел Жорж Лейг, выражая обеспокоенность по поводу ситуации в Закавказье в ноябре 1920 г., полагал, что Азербайджан является страной, открытой для проникновения «турецкого панисламизма»³⁴.

Вместе с тем суждения французских дипломатов по вопросу о том, как соотносятся панисламизм и национальные устремления отдельных народов, оставались достаточно размытыми. Иногда в рамках их оценок эти явления и понятия противопоставлялись друг другу, иногда предполагался своеобразный симбиоз между ними. Фруадево призывал не преувеличивать роль «исламского фактора» в консолидации народов Ближнего и Среднего Востока. По его мнению, Франция должна была использовать в своей колониальной политике межнациональные противоречия. В уже упомянутом произведении он отмечал: «Так будем же внимательно следить за тем, чтобы воспрепятствовать образованию турецкого или пантуранского блока; будем различать тех, кто получил ислам от туранов (touraniens), и тех, кто получил его от арабов, не позволяя им смешиваться друг с другом; не позволим осуществиться “тюркизации” нетурецких провинций»³⁵. Посланник Франции в Египте Анри Гайяр, напротив, исходил из того, что панисламизм и национальные движения в странах Востока могут сосуществовать. В донесении от 28 апреля 1922 г. в Париж он призывал «помнить, что панисламизм в его нынешней форме стимулирует образование отдельных и независимых мусульманских государств. Они могут быть соединены друг с другом федеративными связями, однако единственное назначение последних — совместная оборона против западных держав. Эту идею легко примирить с националистическими идеями, что дает о себе знать даже в христианских сообществах Сирии и Египта»³⁶.

Синтез антизападного национализма, ислама и большевизма в начале 1920-х годов рассматривался правительством Третьей республики как весьма серьезная угроза интересам Парижа. Инструктируя в сентябре 1920 г. верховного комиссара Франции на Кавказе Даниеля Абея Шевалли, глава правительства и министр иностранных дел А. Мильеран подчеркнул: «Новые государства Кавказа находятся перед лицом угроз в лице русского большевизма и турецкого национализма. Эти силы особенно опасны в регионе ввиду того, что они, как может показаться, отвечают национальным и религиозным чувствам. Таким образом, Армения, друг Антанты, стоит перед угрозой большевизма, а Азербайджан — панисламизма»³⁷.

Следует отметить, что политика советской власти, направленная на стимулирование развития национальных культур и государственности в мусульманских регионах РСФСР, вызвала смешанные впечатления как у французских чиновников, так и у исследователей. Об этом свидетельствует, например, работа «Большевизм и ислам» востоковеда Жозефа-Антуана Кастанье³⁸, опубликованная на страницах журнала *Revue du monde musulman* в октябре 1922 г. (вышедшая также отдельной брошюрой). Можно выделить два ключевых аспекта авторского восприятия советской политики в мусульманских регионах: во-первых, удивление и интерес в отношении достигнутых успехов в сферах образования и культуры; во-вторых, опасение, что эти успехи будут использованы Москвой в целях поддержки антиколониальной борьбы в странах Азии и Африки. Так, например, Коммунистический университет трудящихся Востока, основанный в столице РСФСР в 1921 г., был охарактеризован Кастанье не «как интеллектуальный центр и место осуществления научных исследований в традициях европейских университетов, а как оплот пропаганды, которая распространяется на все вопросы, связанные с бытовой жизнью народов Востока»³⁹.

³⁴ Leygues à Chevalley, 4 novembre 1920 // DDF. 1920. Т. 3. Р. 232.

³⁵ André P.J. Op. cit. P. XIX–XX.

³⁶ Gaillard à Poincaré, 28 avril 1922 // DDF. 1922. Т. 1. Р. 541.

³⁷ Millerand à Chevalley, 20 septembre 1920 // DDF. 1920. Т. 2. Р. 646.

³⁸ Удербаяева С.К., Сагатов А.М., Какимжанов Е.Х. Сакральная география Центральной Азии в трудах Жозефа-Антуана Кастанье // Былые годы. 2022. Т. 17. № 2. С. 789–799.

³⁹ Castagné J. Le Bolchevisme et l'Islam // *Revue du monde musulman*. 1922. Т. 51. Р. 46–47; Avant-propos // Ibid. 1922. Т. 51. Р. VII–X.

В наиболее негативных оценках событий, имевших место на Ближнем Востоке и в Северной Африке в начале 1920-х годов, почти все вышеуказанные понятия (ислам, арабский национализм, пантюркизм, большевизм) сливались в единый образ экзистенциальной опасности. Так, в докладе резидентуры Разведывательной службы Франции в Бейруте от 25 сентября 1921 г. угрозы, связанные с сирийским национализмом, шерифским монархизмом, протестами населения в Сирии и Ливане на экономической почве и восстаниями берберских племен, вкупе с отрицанием западных ценностей, якобы укорененным в исламе, создавали устрашающую картину «священной войны» против французского господства, развязанную при поддержке кемалистов, немцев и англичан⁴⁰. Подтверждением того, что ситуация, сложившаяся в колониальных владениях Третьей республики, оценивалась как крайне нестабильная, могли послужить опасения, которые озвучивал командующий Восточно-Средиземноморской эскадрой ВМФ Франции вице-адмирал Фердинанд Жан-Жак де Бон. В донесении от 16 декабря 1920 г. он сообщал в Париж о некоем «большевистском следе» в Алеппо и серьезном резонансе, который вызвала на мусульманском Востоке «поддержка, оказанная Советами всем угнетенным народам, в особенности — туркам»⁴¹.

Вместе с тем во многих официальных документах Третьей республики, относящихся к рассматриваемому периоду, происходившие в исламском мире процессы расценивались как более сложные и многоаспектные. При этом некоторые отмеченные в них тенденции не коррелировали с тезисами о частичной или всеобщей угрозе Французской колониальной империи, приведенными выше. В ноябре 1920 г., осуществив поездку в Константинополь, французский сенатор Анри Франклен-Буйон, считавшийся экспертом по Турции, писал о возросшем в этой стране (ввиду «прибытия золота и офицеров из России») «большевистском влиянии». В то же время он отмечал, что советская идеология вызывает «естественное отторжение в некоторых мусульманских кругах»⁴². В донесении от 13 ноября 1922 г. французский представитель в Марракеше генерал Альбер Доган усматривал в решении Мустафы Кемала о ликвидации в Турции султаната «большевистский маневр, направленный на реализацию бессмертного идеала русского народа, а именно желания изгнать полумесяц из Константинополя и контролировать Проливы». Доган надеялся, что осуществленное кемалистами разделение светской и духовной власти не будет одобрено «настоящими мусульманами», особенно если они осознают, что «Франция, друг ислама, не поддерживает этот шаг»⁴³.

В целом в период после 1922 г. во французском официальном дискурсе прослеживалась определенная тенденция отхода от обобщенного понимания «ислама» и «мусульманства» и увязки этих терминов с панислализмом, большевизмом и кемализмом. Используемый при рассмотрении данной тематики чиновниками Третьей республики категориальный аппарат становился более вариативным. При оценке ситуации в странах исламского мира акценты нередко смещались с религиозного на национальный фактор. Это отражало некоторые изменения в восприятии масштаба угроз, якобы исходивших со стороны ислама, представителями французского политического истеблишмента (хотя в 1924–1925 гг. Париж столкнулся с более серьезными вызовами в колониях, нежели в предшествующий период). В марте 1924 г., в условиях осуществления Мустафой Кемалем реформ, направленных на упразднение халифата, Пуанкаре дал весьма прагматичную оценку происходившим событиям и роли в них «исламского фактора». С его точки зрения, такие масштабные проекты, как пантюркизм, панарабизм и панисламизм не привели к конкретным результатам и потеряли былую силу. Премьер-министр Франции, в частности, отмечал: «Исламский мир подвергся глубокой секуляризации, а каждое мусульманское государство стремится строить свою собственную судьбу, не испытывая надежд по поводу универсальной теократии. Отныне

⁴⁰ Thomas M. French Intelligence-Gathering in the Syrian Mandate, 1920–40 // Middle Eastern Studies. 2002. Vol. 38. № 1. P. 9.

⁴¹ De Bon à Landry, 16 décembre 1920 // DDF. 1920. T. 3. P. 523.

⁴² Peretti della Rocca à P. Cambon, 26 novembre 1920 // DDF. 1920. T. 3. P. 341–342.

⁴³ Daugan à Lyautey, 13 novembre 1922 // AN. 470. AP. 82.

не получится “провозгласить” единого “Папу” для всех мусульман, и каждая страна желает иметь собственную духовную власть. Подобная эволюция отвечает нашим интересам»⁴⁴.

Представление о том, какое место занимал ислам в официальном и экспертном дискурсе Третьей республики после 1924 г., дают материалы, изданные по итогам встреч «Ислам и современная политика», организованных Обществом выпускников Свободной школы политических наук в Париже 17 января, 11, 18, 25 февраля и 4 марта 1927 г. В этих мероприятиях принимали участие как крупные эксперты (арабисты Морис Годфруа-Демонбин и Луи Массиньон, синолог Марсель Гране и др.), так и государственные деятели, военные и дипломаты (Юбер Лиоте, Максим Вейган, Жюль Камбон и др.). Анализ их выступлений позволяет сделать вывод, что, в отличие от ситуации начала 1920-х годов, в рассматриваемый период идеи о взаимосвязи ислама и большевизма и об угрозе панисламизма отнюдь не пользовались популярностью ни среди представителей французской военно-политической элиты, ни в исследовательском сообществе. Лиоте считал, что не следует преувеличивать степень единства мусульманского мира, а также его укорененность в традиции. В своем выступлении он, в частности, указывал на способность ислама адаптироваться к современным реалиям. Камбон полагал, что «магометанство», являясь важным мобилизующим фактором в период Первой мировой войны, в 1920-е годы по силе своего воздействия уступило место национализму. Именно выстраивая отношения с национальными движениями, Париж, как утверждал дипломат, и должен отстаивать собственные интересы в арабском мире⁴⁵. Один из рецензентов сборника, опубликованного по итогам этих встреч, соглашался с базовыми тезисами Лиоте и Камбона. С его точки зрения, вопрос о влиянии ислама на современную политику утратил былую актуальность, а панисламизм как фактор международных отношений уступил место крупным националистическим проектам, таким как пантуранизм, ассоциировавшийся прежде всего с политикой М. Кемаля, в рамках которой в 1924 г. был ликвидирован халифат (как отмечалось выше, Пуанкаре вряд ли согласился бы с подобным утверждением)⁴⁶.

Тезис об «исламе» как о специфическом «инструменте», призванном обеспечить интересы Парижа в странах условного Востока, можно считать третьим основным компонентом «мусульманского дискурса» французских властей в 1920-е годы. В распространенном в этот период нарративе о Третьей республике как о государстве — покровителе мусульман и даже «мусульманской державе» можно выделить несколько ключевых элементов.

Лояльность мусульман — выходцев с подконтрольных Франции территорий, продемонстрированная в годы Первой мировой войны, имела не только очевидное практическое значение для Парижа в 1914–1918 гг., но и отразилась на официальном отношении к исламу в послевоенный период. Подчеркивание этой лояльности стало важной частью официального дискурса властей Третьей республики; последний был проникнут идеями об огромном значении одержанной победы и о проявленном в годы войны морально-политическом единстве Французской колониальной империи. В ноябре 1922 г., в период кемалистских реформ в Турции, Р. Пуанкаре выступал против резких шагов со стороны французской колониальной администрации, в том числе против обсуждавшейся в политических кругах Третьей республики идеи провозглашения халифом мусульман тунисского бея. Он призывал не отказываться от «полностью нейтральной и отстраненной позиции» по религиозным вопросам, «которая постоянно приносила нам столько успехов в исламском мире и являлась одной из причин их (мусульман. — И.М.) лояльного отношения даже тогда, когда мы отправляли их сражаться против собственных единомышленников»⁴⁷.

⁴⁴ Poincaré à Weygand, 19 mars 1924 // DDF. 1924. T. 1. P. 280.

⁴⁵ *Lyautey H. et al.* L'Islam et la politique contemporaine: Conférences organisées par la Société des anciens élèves et élèves de l'Ecole libre des sciences politiques. Paris, 1927.

⁴⁶ *C.H.J.A. de.* [Review] L'Islam et la politique contemporaine // Sudan Notes and Records. 1928. Vol. 11. P. 239.

⁴⁷ Poincaré à Saint, 27 novembre 1922 // DDF. 1922. T. 2. P. 544.

Дискурс лояльности метрополии со сторон мусульман, проживавших на подконтрольных Франции территориях, как правило, носил патерналистский характер. Нередко он служил средством символического воспроизводства иерархии в отношениях Франции-покровительницы и ее «подданных» — мусульман. Так, на страницах газеты «Икдам» в позитивном ключе цитировалось заявление президента Мильерана, сделанное им во время визита в Тунис в мае 1922 г. в традиционном для французского официального дискурса духе: «Франция все время поддерживала с мусульманским миром такие контакты, которые позволяли ей особым образом понимать ислам, а также испытывать очень сильные симпатии к своим верным подданным (sujets) и к их добродетелям»⁴⁸. Хотя это редко озвучивалось напрямую в официальных источниках и в прессе, лояльность метрополии рассматривалась в качестве одной из важнейших подобных «добродетелей».

Более того, в 1920-е годы среди дипломатов и представителей колониальных властей был распространен взгляд на ислам как на специфический фактор «мягкой силы» во внешней политике Третьей республики. 1 июня 1920 г., инструктируя консула в Джидде Леона Краевского, Мильеран подчеркнул, что одна из ключевых обязанностей дипломата — оказывать всяческое содействие мусульманам из Франции и подконтрольных ей территорий при осуществлении паломничества к святым местам ислама: «Вы должны приложить все усилия, дабы укрепить в них чувства лояльности и признательности Франции. Эти чувства являются еще более важными ввиду того, что во время... паломничества люди контактируют со своими единоверцами со всего мира; их чувства могут иметь самые серьезные и глубокие последствия для отношения всего мусульманского мира к нашей стране»⁴⁹.

В ноябре 1922 г., анализируя одну из важнейших кемалистских реформ — разделение светской и духовной власти, французский советник при султанах Марокко Рауль Марк рассматривал этот шаг турецких властей как «результат влияния большевиков». Вместе с тем он рассчитывал на то, что марокканские мусульмане негативно воспримут ликвидацию османского султаната, и Франция будет продолжать опираться на силы традиционного ислама в протекторате⁵⁰. Некоторые политические деятели мусульманского мира, заинтересованные во французской поддержке, были готовы подыгрывать подобным ожиданиям Парижа. Так, в октябре 1920 г. во время одного из визитов в МИД Франции бывший председатель парламента Азербайджанской Демократической Республики Али Мардан-бек Топчибаши (Топчибашев) заверял своих собеседников в целесообразности отправки на его родину миссии «французских военных-мусульман»: «Население, которое уже относится к Франции с очень большой приязнью, поскольку видит ее моральную поддержку в борьбе против большевизма, будет воодушевлено». Топчибаши подчеркивал, что азербайджанцы станут испытывать еще больше симпатий к Третьей республике, если они увидят, «как их единоверцы приедут и покажут, насколько тепло Франция относится к мусульманам»⁵¹.

Проанализировав основные элементы «мусульманского дискурса» во Франции в 1920-е годы и особенности использования в нем таких понятий, как «ислам» и «мусульманство», можно констатировать, что этот дискурс отличался разнородностью и противоречивостью. В его рамках ориенталистские идеи об отсталости «исламской цивилизации», о ее несовместимости с Западом сочетались с тезисом о возможности их мирного и плодотворного сосуществования, особенно в тех случаях, когда французские власти не имели достаточно ресурсов для прямого навязывания зависимым территориям собственной воли. Один из небезынтересных примеров — урбанистическая политика Лиоте в Рабате. Для нее были характерны попытки соединить уже сложившуюся архитектуру марокканского города с новыми кварталами, зданиями и инфраструктурой, создаваемыми по французским образцам. Выступая в 1931 г. на Международной конференции по колониальному урбанизму,

⁴⁸ Hammoud K. Pierre Loti et l'Islam // L'Ikdam. 5.V.1922.

⁴⁹ Millerand à Krajewski, 1 juin 1920 // DDF. 1920. T. 2. P. 81.

⁵⁰ Marc à Lyautey, 10 novembre 1922 // AN. 470. AP. 82.

⁵¹ Note de Laroche pour Berthelot, 14 octobre 1920 // DDF. 1920. T. 3. P. 97–98.

французский архитектор Анри Прос, автор генерального плана Рабата (1914), отзывался о целях администрации Лиоте в апологетическом духе. С его точки зрения, выбранная маршалом урбанистическая политика была обусловлена как различием культурных традиций европейцев и мусульман, так и тем обстоятельством, что французский протекторат в Марокко был призван воплотить синтез этих двух традиций, при котором они взаимодополняли бы друг друга⁵².

Как отмечалось выше, в 1920-е годы образ «мусульманства» как потенциальной угрозы интересам Франции сосуществовал в рамках официального дискурса с представлением о возможности заручиться поддержкой в исламском мире и использовать ее в качестве инструмента «мягкой силы». В записке от 20 января 1922 г., адресованной Мильерану, Лиоте подчеркивал, что «в будущем мы сможем использовать весь исламский мир (подчеркнуто в оригинале. — И.М.) — неопенимую моральную силу, человеческий резервуар, который, пусть и не представляет собой совокупности организованных и вооруженных государств, доказал тем, что произошло в Анкаре⁵³, на какие ответные действия он способен»⁵⁴.

Следует отметить, что «мусульманскому дискурсу» во Франции в 1920-е годы была присуща не только вариативность, но и внутренняя противоречивость. Использование его различных элементов официальными властями нередко было обусловлено их ситуативными интересами. Кроме того, в ряде случаев эти элементы плохо коррелировали друг с другом. Например, апологетика лояльности «подданных»-мусульман в годы Первой мировой войны сосуществовала со стремлением ограничить получение ими «плодов» подобной лояльности. Так, в 1922 г. офицер в отставке и военный переводчик Жюль Барух⁵⁵ не скрывал своих позитивных эмоций в связи с тем, что возможностью получения французского гражданства воспользовалось небольшое количество алжирцев. Он полагал, что республиканские принципы и верность исламу с трудом совместимы. В произведении «Наша Атлантида: Франция — ислам» он, в частности, отмечал: «Гражданские и религиозные законы ислама неразрывно связаны, и мусульманин не может сменить гражданство (nationalité), не отказавшись от религии. И дело обстоит именно так, поскольку в период с начала нашей оккупации, т.е. на протяжении 92 лет, из 5,5 млн алжирцев натурализовались лишь 1700 человек. Последние к тому же рассматриваются их единоверцами как отступники». Барух напрямую увязывал вклад североафриканцев в военные победы Франции на фронтах Первой мировой войны с принятием 4 февраля 1919 г. так называемого закона Жоннара, который давал возможность получения французского гражданства алжирцам, отслужившим в вооруженных силах Третьей республики. Если Барух и был готов признать позитивные аспекты нового законодательства, а также его «компенсационный характер» (призыв в Алжире был осуществлен вопреки условиям франко-алжирской конвенции, подписанной 5 июля 1830 г.), в его оценках все же доминировали опасения, связанные с тем, что реформы, по его мнению, «способствовали развитию в мусульманских кругах амбиций, выражающихся в формах, похожих на большевизм». Мусульманские религиозные общины (джамааты), легализованные французскими властями еще в 1863 г., он сравнивал с советами в РСФСР, утверждая, что они «провоцируют среди населения недовольство, ответственность за которое падает на нас»⁵⁶.

Подводя итоги, можно констатировать, что «семантический ореол» понятий «ислам» и «мусульманство» во французском официальном дискурсе в 1920-е годы не был однородным. Он заключал в себе характерные для ориентализма идеи превосходства Запада, отсталости «исламской цивилизации» и ее несовместимости с европейскими социально-политическими

⁵² Rabinow P. French Modern: Norms and Forms of the Social Environment. Chicago, 1989. P. 301.

⁵³ По всей видимости, Лиоте имел в виду не какое-то конкретное событие, а сам факт кемалистских реформ, а также победы, одержанные турецкой армией в войне против Греции (1919–1922).

⁵⁴ Note de Lyautey, 20 janvier 1922 // AN. 470. AP. 82.

⁵⁵ Séance du 11 avril // Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. 1924. Vol. 68. № 2. P. 148.

⁵⁶ Baruch J. Op. cit. P. 138–139.

институтами и представление об исламе как о потенциальной угрозе, особенно в тех случаях, когда он принимал форму панисламизма и/или «вступал в синергию» с такими общественно-политическими движениями, как пантюркизм или большевизм. Вместе с тем понятия «ислам» и «мусульманство» нередко имели положительные смысловые коннотации и рассматривались в контексте лояльности «подданных»-мусульман властям Третьей республики и реализации политики «мягкой силы» в колониях.

В зависимости от текущих интересов официального Парижа и колониальных администраций на местах, которые нередко были обусловлены общей международной обстановкой, сменой власти в Третьей республике и политической позиции конкретных государственных деятелей, символической мобилизации подлежали различные элементы «мусульманского дискурса». Данный дискурс представлял особую политическую актуальность. При этом он не являлся герметичным и не имел самодовлеющего значения: французские чиновники, эксперты и публицисты вполне могли подстраивать его под текущие потребности.

Библиография / References

Гончарова Т.Н. История французского колониализма: Актуальные проблемы изучения: в 2-х ч. Ч. 1. История колониальных империй Франции. СПб., 2013.

Дьяков Н.Н. Ислам в колониальной политике Франции: от истоков — до Пятой Республики // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. № 5 (103). URL: <https://history.jes.su/s207987840015901-0-1/> (дата обращения: 06.05.2024). DOI: 10.18254/S207987840015901-0

Прусская Е.А. Ислам во Французской революции. О книге Йана Коллера // Французский ежегодник 2022. Т. 55. Французы за пределами Франции / гл. ред. А.В. Чудинов. М., 2022. С. 400–408.

Прусская Е.А. Тридцать лет спустя: опыт Египетского похода 1798–1801 гг. и французское вторжение в Алжир 1830 г. // Французский ежегодник 2017. Т. 50. Франция и Средиземноморье в Новое и Новейшее время / гл. ред. А.В. Чудинов. М., 2017. С. 94–112.

Прусская Е.А. Французская пресса в Египте о мусульманском Востоке (1798–1801) // Французский ежегодник 2012. Т. 44. 200 лет Отечественной войны 1812 года / гл. ред. А.В. Чудинов. М., 2012. С. 223–251.

Удербоева С.К., Сагатов А.М., Какимжанов Е.Х. Сакральная география Центральной Азии в трудах Жозефа-Антуана Кастанье // Былые годы. 2022. Т. 17. № 2. С. 789–799.

Черкасов П.П. Судьба империи. Очерки колониальной экспансии Франции в XVI–XX вв. М., 1983.

Cherkasov P.P. Sud'ba imperii. Ocherki kolonial'noi ekspansii Frantsii v XVI–XX vv. [The Fate of the Empire. Essays on the Colonial Expansion of France in the 16th–20th Centuries]. Moskva, 1983. (In Russ.)

D'iakov N.N. Islam v kolonial'noi politike Frantsii: ot istokov — do Piatoi Respubliki [Islam in the Colonial Policy of France: from the Origins to the Fifth Republic] // Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal "Istoriya" [Electronic scientific and educational Journal "History"]. 2021. T. 12. № 5 (103). URL: <https://history.jes.su/s207987840015901-0-1/> (access date: 06.05.2024). DOI: 10.18254/S207987840015901-0 (In Russ.)

Goncharova T.N. Istoriia frantsuzskogo kolonializma: Aktual'nye problemy izucheniia [History of French colonialism. Topical Aspects of Research]: v 2-kh ch. Ch. 1. Istoriia kolonial'nykh imperii Frantsii. Sankt-Peterburg, 2013. (In Russ.)

Prusskaia E.A. Frantsuzskaia pressa v Egipte o musul'manskom Vostoke (1798–1801) [The French Press in Egypt About the Muslim Orient (1798–1801)] // Frantsuzskii ezhegodnik 2012. T. 44. 200 let Otechestvennoi voyny 1812 goda [Annual of French Studies 2012. T. 44. Bicentenary of the Patriotic War in 1812] / gl. red. A.V. Chudinov. Moskva, 2012. S. 223–251. (In Russ.)

Prusskaia E.A. Islam vo Frantsuzskoi revoliutsii. O knige Iana Kollera [Islam in the French Revolution. On the Book of Ian Coller] // Frantsuzskii ezhegodnik 2022. T. 55. Frantsuzy za predelami Frantsii [Annual of French Studies 2022. T. 55. The French outside of France]. Moskva, 2022. S. 400–408. (In Russ.)

Prusskaia E.A. Tridsat' let spustia: opyt Egipetskogo pokhoda 1798–1801 gg. i frantsuzskoe vtorzhenie v Alzhir 1830 g. [Thirty Years Later: Experience of the French expedition to Egypt (1798–1801) and invasion to Algeria in 1830] // Frantsuzskii ezhegodnik 2017. T. 50. Frantsiia i Sredizemnomor'e v Novoe i Noveishee vremia [Annual of French Studies 2017. T. 50. France and the Mediterranean in Modern and Contemporary Times (2017)]. Moskva, 2017. S. 94–112. (In Russ.)

Uderbbaeva S.K., Sagatov A.M., Kakimzhanov E.Kh. Sakral'naia geografiia Tsentral'noi Azii v trudakh Zhosefa-Antuana Kastan'e [The Sacred Geography of Central Asia in the Works of Joseph-Antoine Castagné] // Bylye gody [The Past Years]. 2022. T. 17. № 2. S. 789–799. (In Russ.)

Ageron Ch.-R. Genèse de l'Algérie algérienne. De l'Algérie française à l'Algérie algérienne: en 2 vols. Vol. 2. Paris, 2005.

- André P.J.* L'Islam et les races: en 2 vols. Vol. 1. Paris, 1922.
- Baruch J.* Notre Atlantide: France-Islam. Marseille, 1922.
- Blanchard P.* Culture coloniale. La France conquise par son empire, 1871–1931. Paris, 2002.
- Burke III.E.* A Comparative View of French Native Policy in Morocco and Syria, 1912–1925 // Middle Eastern Studies. 1973. Vol. 9. № 2. P. 175–186.
- Burke III.E.* La mission scientifique au Maroc: science sociale et politique dans l'âge de l'impérialisme // Bulletin économique et social du Maroc. 1979. № 138–139. P. 37–56.
- C.H.J.A. de.* [Review] L'Islam et la politique contemporaine // Sudan Notes and Records. 1928. Vol. 11. P. 236–239.
- Conklin A.L.* A Mission to Civilize. The Republican Idea of Empire in France and West Africa, 1895–1930. Stanford, 1997.
- Girardet R.* L'idée coloniale en France de 1871 à 1962. Paris, 1972.
- Grimal H.* La décolonisation de 1919 à nos jours. Bruxelles, 1985.
- Histoire globale de la France coloniale / dir. de N. Bancel et al. Paris, 2022.
- Hodeir C., Pierre M.* L'exposition coloniale de 1931. Paris, 2021.
- Khoury Ph.S.* Syria and the French Mandate: The Politics of Arab Nationalism, 1920–1945. Princeton, 1987.
- Landrieux M.* L'Islam. Les trompe l'oeil de l'Islam. La France, puissance musulmane. Paris, 1913.
- Lyautey H. et al.* L'Islam et la politique contemporaine: Conférences organisées par la Société des anciens élèves et élèves de l'Ecole libre des sciences politiques. Paris, 1927.
- Présences et images franco-marocaines au temps du protectorat / dir. de J.-C. Allain. Paris, 2003.
- Rabinow P.* French Modern: Norms and Forms of the Social Environment. Chicago, 1989.
- Swain J.W.* The Harper History of Civilization: in 2 vols. Vol. 1. London, 1958.
- Thomas M.* Colonial States as Intelligence States: Security Policing and the Limits of Colonial Rule in France's Muslim Territories, 1920–40 // The Journal of Strategic Studies. 2005. Vol. 28. № 6. P. 1033–1060.
- Thomas M.* Empires of Intelligence: Security Services and Colonial Disorder after 1914. Berkeley, 2007.
- Thomas M.* French Intelligence-Gathering in the Syrian Mandate, 1920–40 // Middle Eastern Studies. 2002. Vol. 38. № 1. P. 1–32.
- Verginot O.* Tindouf, point d'équivoque (1912–1934) // Revue de l'Occident musulman et de la Méditerranée. 1986. Vol. 41. № 1. P. 119–135.